СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА
и
СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.
1831 № XXXVII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ БѢЛОЗОРЪ.

Повѣсть.

(*Продолженіе.*)

ГЛАВА IV.

Довольно я скитался въ этомъ мірѣ
Вдали моихъ отечественныхъ звѣздъ:
Я видѣлъ Римъ — величія погостъ,
Британнію въ морской ея порфирѣ,
Венецію — но Поцѣлуевъ мостъ —
Милѣе мнѣ, чѣмъ ponto di Sospiri (*).

Мѣрно и однообразно текла жизнь обитателей Фламъ-гауза. Маятникъ счетомъ назначалъ долготу ихъ занятія, ихъ досуговъ; колоколъ неизмѣнно звалъ къ столу и къ от-

(*) Извѣстный въ Венеціи *мостъ Вздоховъ* близъ площади Св. Марка, соединяющій палаты Дожа съ темницами.

дыху, даже къ самому удовольствію. Хозяинъ почти безпрестанно былъ занятъ надзоромъ за фабрикою или расчетами по выдѣлкѣ и торговлѣ. Хозяйка же, хотя бы по своему состоянію могла избавить себя отъ хлопотъ за мелочными потребностями домоводства — но домоводство была единственная страсть, коей была она доступна. Мужчина — созданъ для внѣшности, для кочевья; женщина — твореніе домосѣдное: она призвана природою для украшенія внутренней жизни — очагъ ея солнце. Вы бы не усомнились въ этой истинѣ, видя, какъ госпожа Саарвайерзенъ, подобно увѣнчатой планетѣ, кружилась около огня, заимствуя отъ него свѣтъ и румянецъ. Какъ философъ-путешественникъ, возметающій стопами властительный прахъ Рима, и внимающій голосу гробовъ, вѣщаніямъ истукановъ, изувѣченныхъ вѣками— казалось, вслушивалась она въ знакомый, хотя нѣмой языкъ разбитой, но склеенной посуды, на которой видны были печати всѣхъ періодовъ просвѣщенія. Тамъ чайникъ безъ носу, тамъ безухая чашка напоминали ей урокъ Экклезіаста о суетѣ міра, тамъ нѣсколько поколѣній разновидныхъ рюмокъ живописали въ лицахъ Исторію Нидерландовъ. Какъ романтикъ нашего времени, одержимый бѣсомъ безконечности — бродитъ по горамъ и по доламъ, вы-

зываетъ съ Манфредомъ или Фаустомъ геніевъ стихій — и разгадываетъ говоръ листьевъ, шумъ водопада, ревъ моря, — она пристально внимала ропоту кастрюль, шипѣнію тѣста — и тайны варенья и печенья открывались предъ нею въ тишинѣ и уединеніи. Наконецъ не такъ старательно слагаетъ Начальникъ какого нибудь Отдѣленія бумагу за которую ожидаетъ креста, не такъ лѣпитъ дипломатъ изъ форменныхъ фразъ ноту — въ надеждѣ быть кавалеромъ Посольства, не такъ рачительно выкрадываетъ модный стихотворецъ эпитеты въ нелѣпое стихотвореніе, которое назоветъ онъ поэмою, какъ внимательно готовила она вафли — и правду сказать, изо всѣхъ упомянутыхъ дѣлъ — едва ли ея было не самое трудное — и, безъ сомнѣнія, гораздо полезнѣйшее для человѣчества. Что касается до изобрѣтательности, она не уступала никакому Перкинсу, Дженкинсу и Донкинсу. Ея маринованные угри были удивленіемъ всѣхъ хозяекъ за сорокъ миль въ окружности; да кромѣ того она выдумала особый родъ яблочнаго пирожнаго, неизвѣстнаго дотолѣ въ поваренныхъ лѣтописяхъ — и назначила передать этотъ важный секретъ своей дочери, въ день замужства, въ приданое.

И такъ, когда мать Жанни проводила

большую часть времени въ созерцаніи горшковъ, бисквитныхъ щипцовъ, раковъ, розъ и бабочекъ, напечатанныхъ на формахъ для студеней, когда отецъ ея являлся только домой, подобно карпамъ въ прудѣ Марли — по звону колокольчика, молодые люди были вмѣстѣ, неразлучно. То Викторъ, сидя подлѣ пяльцевъ Жанни, читалъ ей какія нибудь стихотворенія, то Жанни поглядывала черезъ плечо Виктора, когда онъ рисовалъ ей что нибудь въ альбомъ. Въ междудѣйствіяхъ, которыя можно бы назвать настоящею завязкою драмы, онъ разсказывалъ ей о Русской зимѣ съ большимъ жаромъ, она слушала съ большимъ вниманіемъ — даже порой вскрикивала: „ахъ, какъ бы мнѣ желалось это увидѣть!“ — „А почему же нѣтъ?“ возражалъ разскащикъ, уставя на нее свои выразительныя очи..... Жанни обыкновенно со вздохомъ опускала тогда свои, и принималась за работу..... я, право, не знаю, о чемъ она тогда мечтала.

Викторъ былъ отъ природы весьма веселаго нрава, и оживленный желаніемъ нравиться, становился еще любезнѣе: шутки его могли бы заставить самаго кота смѣяться — но онъ еще былъ стоекъ въ сравненіи съ рѣзвостію Жанни. Воспитанная съ младенчества во Французскомъ пансіонѣ, она пріобрѣла всѣ милыя качества Француженокъ,

не потерявъ простосердечія своей родины, и уже блистала полной красотою молодости, сохранивъ всю прелесть младенчества. Викторъ, послѣ шумной веселости, впадалъ нерѣдко въ глубокую задумчивость, въ грусть, можетъ быть, сладчайшую самой радости, необходимую для сердца, чтобы вкусить минувшее блаженство и отдохнуть для будущаго; но Жанни была игрива неизмѣнно: чувство любви было еще для ней забавою, а не наслажденіемъ.... Викторъ бѣсился на такое равнодушіе, и его угрюмость была новымъ поводомъ къ шуткамъ. Она какъ муха кружилась, порхала, колола нетерпѣливаго, и скрывалась неуловима. Такъ прошла цѣлая недѣля ненастнаго времени.

Наконецъ погода разгулялась, и Жанни предложила ему посмотрѣть садъ, устроенный въ настоящемъ Голландскомъ вкусѣ: дорожки, отбитыя по тесьмѣ, лужайки, усыпанныя разноцвѣтнымъ, блестящимъ пескомъ въ видѣ звѣздъ, круговъ, многоугольниковъ — точь въ точь блюдо винегрета; горки наподобіе миндальнаго пирога, деревья и кусты, обстриженные стѣнками, столбами, шарами — такъ, что вы можете подумать, будто здѣсь природа сдѣлана столяромъ. Мраморные герои, полубогини и полные боги — произведеніе Фламандскаго рѣзца, не смотря на

тучность свою, сбирались, кажется, отдернуть казачка, и левъ съ важностію стоялъ водоемомъ, ожидая воды, которая лишь капала съ морды его, какъ будто онъ получилъ насморкъ. Нигдѣ и ничего не было видно естественнаго: тамъ возвышались жестяные цвѣты на рѣшеткѣ, ограждающей лабиринтъ величиною въ двѣ сажени, тамъ сгибался мостикъ, по которому не прошли бы рядомъ двѣ курицы, тамъ сидѣли деревянные Китайцы подъ зонтиками, скрываясь отъ лѣтняго солнца въ Октябрѣ; тамъ охотникъ съ невѣроятнымъ терпѣніемъ мѣтилъ въ утку, которая двадцать лѣтъ не слетала съ озерка..... Увидя на башенкѣ оранжереи неподвижно стоящаго аиста, Викторъ спросилъ у своей путеводительницы: „не фарфоровый ли онъ?“

Жанни засмѣялась ... „Мы не язычники, господинъ Викторъ“ — возразила она: „и хотя у насъ, какъ у Египтянъ, эта птица въ большомъ уваженіи, но мы еще не воздвигаемъ ей храмовъ, ни идоловъ.“ —

„Жаль, очень жаль; вашъ Гензіусъ, кажется, рожденъ быть великимъ жрецомъ этого долгоногаго домашняго божества.“

„А какъ нравится вамъ садъ нашъ, г-нъ Критикъ?“

„Чрезвычайно любопытенъ — это палата рѣдкостей: жаль только, что я не могу

видѣть его въ полномъ блескѣ зелени и цвѣтовъ.“

„Въ этомъ вы можете утѣшиться; не велика жатва осени послѣ ножницъ нашего садовника, и садъ этотъ имѣетъ неоцѣненную выгоду быть лѣтомъ какъ зимой — неизмѣнно скучнымъ. Что касается до цвѣтовъ — я покажу вамъ ихъ царство, гдѣ цвѣтутъ они, какъ ваши сѣверныя красавицы, въ теплицахъ.

Жанни растворила двери оранжереи. Башенка, сквозь которую вошли они, занята была птичникомъ: за свѣтлою бронзовою сѣткою, порхало множество мелкихъ заморскихъ птичекъ: иныя клевали зерна, разсыпанныя по полу, другія увивались около гнѣздышекъ. Любимыя канарейки Жанни слетѣлись къ ней, едва она простерла руку, садились на плечо, ѣли сахаръ изъ устъ ея. Викторъ любовался этой картиною.

„Это очень мило,“ сказалъ онъ: „но я во всемъ вижу, что вы любите своихъ гостей превращать въ плѣнниковъ.“

„Напротивъ, я изъ чужихъ плѣнниковъ дѣлаю гостей: выпустить этихъ бѣдняжекъ на волю въ нашемъ климатѣ значитъ погубить ихъ безвременно.“

„О конечно, вы такъ добры, Жанни — такъ ласковы, что не только мирныхъ кана-

реекъ, но и смѣлаго сокола заставите забыть свободу.“

„Сокола, Викторъ? — Благодарю васъ за него; теперь, слава Богу, не мода носить дамамъ на рукѣ этихъ хищныхъ птицъ, какъ видно на старинныхъ картинахъ; я бы страшилась сокола и за себя и за маленькихъ питомцевъ моихъ!“

„И страшились бы напрасно, Жанни; ручной соколъ преучтивая птица; онъ бы доволенъ былъ конфетами и ласками вашими.“

„Чтобы взвиться подъ облака и улетѣть?“

„О нѣтъ — чтобы сидѣть подъ кровлею вашею смирнѣе голубка!“

„Вы чудесный раскащикъ, Викторъ! Вы скоро увѣрите меня, что у сокола и когти — для красы; но оставимъ летучее племя для этихъ растущихъ мотыльковъ, которые къ красотѣ воздушныхъ дѣтей весны присовокупляютъ благоуханіе и — постоянство. Это любимое общество батюшки.“

„Цвѣтоводство пріятное занятіе для преклоннаго возраста, какъ воспоминаніе прежнихъ радостей, и полезный урокъ намъ.“

„О да, господинъ мудрецъ! я сама бы любила цвѣты страстно, если бъ они не были такъ измѣнчивы и кратковременны. Надобно имѣть или тысячу сердецъ, или одно очень

хладнокровное, чтобы видѣть ихъ увяданіе, и утѣшаться вновь и вновь.“

„Цвѣты счастливѣе насъ, Жанни: мы измѣняемся и вянемъ подобно имъ — но они не страдаютъ подобно намъ!“

„Стало быть и не знаютъ нашихъ удовольствій! — Я не завидую цвѣтамъ. — Вы конечно знатокъ въ Ботаникѣ, Викторъ?“

„Только любитель, Жанни, только любитель: я не отличу лупинуса отъ цвѣтнаго гороха, и знаю лилію только по гербовнику. Ваши термины: „bulbata, barbata, angustafolia, grandiflora для меня Арабская грамата.“

„И вы, въ святилищѣ цвѣтовъ, въ домѣ извѣстнаго цвѣтослова, не краснѣя, хвалитесь этимъ?“

„По крайней мѣрѣ сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ — но не каюсь въ немъ. Я, какъ соловей Персидскихъ Поэтовъ, обожаю розу, одну бѣлую розу, и въ этомъ отношеніи могу поспорить съ первѣйшими Ботаниками, которые слышатъ даже, какъ растетъ трава, что не ошибусь въ выборѣ прелестнѣйшей.“

„Это не очень мудрое предпочтеніе, г-нъ мудрецъ, и вамъ, чтобы хоть сколько нибудь сохранить уваженіе батюшки, надо поучиться толковать съ нимъ о листкахъ и лепе-

стихахъ и вѣнчикахъ и пестикахъ всѣхъ рѣдкихъ цвѣтовъ безъ лицепріятія.“

„Вашъ совѣтъ для меня законъ, Жанни, я готовъ охотно не только прилѣпиться къ цвѣтку, подобно пчелѣ, но прирости къ землѣ, какъ цвѣтокъ, если вы сами посвятите меня въ рыцари теплицы. Отъ кого лучше какъ не отъ самой Флоры могу я научиться изъяснять свои мысли о цвѣтахъ, а можетъ быть и свои чувства цвѣтами! Не начать ли съ сего дня благоуханныхъ уроковъ, Жанни?“

„Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Вотъ этотъ цвѣтокъ, напримѣръ, называется Малайская астра.“

„То есть звѣзда,“ тихо повторилъ Викторъ, заглядывая въ очи своей учительницѣ: „я знаю двѣ звѣзды, которыхъ краше не найти въ цѣломъ небосклонѣ: къ нимъ и по нимъ правилъ бы я всегда бѣгъ свой надъ бездной Океана.“

„Ахъ, оставьте пожалуйте, въ покоѣ вашъ Океанъ, и удостойте сойти съ неба....“

„Ничего нѣтъ легче этого — Жанни, когда небо удостоиваетъ сходить на землю.“

„За то ничего нѣтъ труднѣе, какъ понимать вашу Поэзію! Вотъ родня вашей любимицы — rose musquée; вотъ махровая роза; вотъ тюбъ-роза.“

„Прелестные цвѣтки! имъ недостаетъ только шиповъ, чтобы поспорить съ настоящею розою.“

„Въ самомъ дѣлѣ такъ? — я замѣчу это въ своемъ травникѣ, Викторъ..... вотъ Китайскій огонь.“

„Которой имѣетъ зажигающее свойство только въ вашихъ рукахъ, не правда ли?“

„Вотъ мандрагора, про которую Индійцы разсказываютъ, будто она кричитъ, когда ее срываютъ со стебля.“

„И вѣрно кричитъ: не тронь меня?“

„Я не рѣшалась никогда оскорблять ея чувствительности; теперь берегитесь, чтобъ не заснуть — вотъ всѣ племена маковъ: изъ нихъ свитъ вѣнецъ Морфея, и льется опіумъ въ испареніяхъ!“

„Не страшусь ни сколько ихъ усыпительнаго вліянія, находясь такъ близко къ противоядію. Я говорю по опыту, Жанни: обыкновенное привѣтствіе ваше — „доброй ночи, Викторъ“ вмѣсто доброй ночи, даетъ мнѣ злую безсонницу.“

„Бѣдненькій Викторъ! теперь я знаю, отъ чего онъ бредитъ иногда на яву! Но на чемъ мы остановились? на Гарлемскомъ жонкилѣ, на Капскомъ ранункулѣ, на писанномъ тюльпанѣ? — и то нѣтъ! Ваша разсѣянность прилипчива, господинъ ученикъ — но вотъ

кактусъ, который цвѣтетъ однажды въ годъ, и то ночью. Надобно нѣсколько зорь сряду стоять на часахъ, чтобы имѣть наслажденіе увидѣть пышный, бѣлый цвѣтъ его съ оранжевыми окраинами — и вообразите — только два часа красуется онъ, и потомъ опадаетъ мгновенно.“

„Хоть два часа, но онъ цвѣтетъ, онъ манитъ взоры, онъ радуетъ сердце прекрасныхъ! — я бы готовъ былъ годами жизни купить подобное счастіе!“

Викторъ пламенно глядѣлъ на Жанни — Жанни безмолвно смотрѣла на Виктора. „Какъ здѣсь жарко!“ сказала она, отбрасывая отъ лица воротникъ голубыхъ песцовъ — и задумчиво взялась за дверную ручку. „Повторимъ первый урокъ, и посмотримъ, что заслужитъ ученикъ мой, — мѣсто ли въ углу, или позволеніе бѣгать по двору? Напримѣръ, скажите мнѣ имя этого цвѣтка!“ примолвила она, сорвавъ тюбъ-розу. —

„Не знаю,“ отвѣчалъ Викторъ, не сводя очей съ очей Жанни.

„Но что жъ вы знаете, Боже мой?“ вскричала она. —

„Любить, любить пламенно,“ возразилъ съ жаромъ Викторъ, схвативъ нѣжную ручку ея.

„А что значитъ любить?“ спросила она съ простосердечіемъ.

„А что значитъ любить?“ повторяю вамъ я, обращаясь къ читателямъ .... и вопросъ этотъ, право, не такъ глупъ, какъ онъ кажется сначала. Я много читалъ въ книгахъ, еще больше слышалъ мнѣній людскихъ объ этомъ предметѣ — и ни одного согласнаго. Одинъ говоритъ, что любить значитъ желать, другой, что любить — отказываться отъ природы; тотъ увѣряетъ, что нѣтъ любви безъ денегъ, другой, что нѣтъ ея для богачей. Лишь Сократъ сказалъ философическую истину, назвавъ любовь стремленіемъ къ возрожденію посредствомъ красоты; но это опредѣленіе страсти — не описаніе ея дѣйствій, не характеристика ея феноменовъ; и что вы ни говорите, а, кажется, я останусь при своемъ вопросѣ.

Не дивитесь же, милостивые государи, что этотъ простой вопросъ ужасно смутилъ неопытнаго любовника; онъ вовсе не былъ приготовленъ размѣнивать свои чувства на мысли и мысли на выраженія. Нить его идей прервалась, бодрость на дальнѣйшее объясненіе его оставила; онъ произнесъ нѣсколько неясныхъ звуковъ, потупилъ очи на цвѣтокъ, который Жанни держала еще въ рукѣ, и желая найти точку опоры — сказалъ:

„это колокольчикъ?“ Должно полагать, у него крѣпко звенѣло въ ушахъ, когда онъ назвалъ тюбъ-розу колокольчикомъ.

Жанни не могла удержаться отъ смѣха. „Нѣтъ Викторъ, нѣтъ, вы отчаянный ученикъ — въ вашей памяти, какъ въ снѣгу, не растутъ цвѣтамъ.“

„Лишь бы мнѣ не были чужды цвѣточные вѣнки, прекраснал Жанни! Менѣе ль прелестна райская птичка отъ того, что мы не знаемъ ея родины? Менѣе ль благовонна роза, если назовутъ ее другимъ именемъ?“

„По крайней мѣрѣ, не менѣе забавно. Замѣтьте, Викторъ, листки этой тюбъ-розы— колокольчики не распускаются такъ широко: пестики ихъ гораздо ниже и пушистѣе; притомъ образованіе самаго цвѣтка.. “

Жанни толковала очень подробно. Викторъ, казалось, слушалъ очень прилежно, и чтобы лучше разсмотрѣть цвѣтокъ, поднесъ къ самымъ глазамъ руку Жанни, на которой лежалъ онъ — Викторъ, изволите видѣть, былъ немножко близорукъ. Между тѣмъ длинные локоны ея касались лицу ученика, а волосы, какъ вамъ извѣстно, есть самый сильный возбудитель электричества. Отъ того прекрасному полу такъ нравятся гусарскіе усики, отъ того же самаго и Викторъ почувствовалъ на сердцѣ прикосновеніе къ своему че-

лу кудрей красавицы... невольно онъ поднялъ очи—передъ нимъ дышали весеннею свѣжестью румяныя щечки, и благоухающія губки распускались какъ заря — это было выше силъ его — онъ прильнулъ своими устами къ устамъ искусительнымъ, и вздохъ изумленія исчезъ въ жаркомъ поцѣлуѣ!

Видали ль вы когда нибудь двѣ ясныя капли росы рядомъ на листѣ винограда? Онѣ долго дрожатъ потрясаемы дуновеніемъ вѣтерка, и вдругъ, какъ будто одушевясь, сливаются во едино, и крупною слезой ниспадаютъ, сверкая. Такъ точно слились устами наши любовники, забывая весь міръ въ упоеньѣ восторга. Поцѣлуй сладостное чувство, милостивые государи! Новѣйшіе Физіологи не даромъ назвали его шестымъ чувствомъ, изящнѣйшимъ, нежели всѣ прочіе, и природа не безъ цѣли одарила одного человѣка такимъ нѣжнымъ орудіемъ онаго — устами съ чрезвычайно тонкою оболочкою. Всегда пріятенъ вольный поцѣлуй, но что можетъ сравниться съ первымъ, дѣвственнымъ поцѣлуемъ любви? Соберите золото, власть, славу, даже самое обладаніе — все, все, что люди привыкли называть счастіемъ, и если вы испытали все это — сознайтесь, что оно не въ состояніи дать вамъ радости чистѣйшей сихъ невозвратимыхъ мгновеній.

Эти мгновенія миновали для Виктора: Жанни съ сердитымъ видомъ вырвалась изъ его объятій. „Я никогда не ожидала отъ васъ этого, господинъ Викторъ," произнесла она голосомъ обиженной гордости — и какъ серна прыгнула за дверь теплицы. Изумленный любовникъ остался на мѣстѣ съ распростертыми руками ..... если бъ граната лопнула въ его карманѣ, онъ бы менѣе былъ испуганъ, чѣмъ такою нежданою строгостію.

(Продолженіе впредь.)

II.

БІОГРАФІЯ.

НЕКРОЛОГІЯ

Инженеръ-Генерала, Графа Карла Ивановича Оппермана.

(Окончаніе.)

30 Іюня, съ 4-го часу утра болѣзнь болѣе и болѣе усиливалась. Тогда приглашенъ Г. Докторъ Раухъ, прибывшій въ 6 часовъ утра. Онъ объявилъ, что Графъ боленъ холерою въ сильнѣйшей степени. Въ 9 часовъ

приглашены Доктора Гг. Маркусъ и Ганъ. Въ половинѣ 11 часа утра, больной чувствовалъ нѣкоторое облегченіе; но въ третьемъ часу припадки болѣзни снова терзали его: смерть казалась близкою. Графъ, сохраняя полное присутствіе духа, благословилъ отчаявающагося сына своего, Графа Леонтія Карловича. Какъ велика была тогда скорбь всѣхъ находившихся при Графѣ и приходившихъ узнать о здоровьѣ его подчиненныхъ, съ такою же радостью предавались они мечтамъ надежды о выздоровленіи его, когда, въ 5 часовъ по полудни, онъ получилъ нѣкоторое облеченіе, и когда Доктора объявили, что если больной въ продолженіе 48 часовъ останется въ одинаковомъ положеніи, то выздоровленіе его вѣроятно. Весь слѣдующій день, въ который Докторъ Г. Смѣльскій безсмѣнно находился при Графѣ, прошелъ безъ значительной перемѣны; только въ больномъ замѣтна была большая слабость. Прочіе Гг. Доктора во все время болѣзни имѣли по три конференціи въ день. 2 Іюля въ 7 часовъ утра, Графъ чрезвычайно ослабѣлъ, грудь обложилась, оказался жаръ въ головѣ и прочіе признаки, предвѣщающіе горячку. Всѣ Доктора, прибывшіе въ 9 часовъ для совѣщанія, объявили, что нѣтъ надежды къ выздоровленію.

Кто опишетъ отчаяніе сына и искреннюю

горесть подчиненныхъ, узнавшихъ о положеніи его! Въ 20 минутъ 12-го часа совершился роковой ударъ: жизнь Графа прекратилась, на лицѣ его изображались не послѣдствія холерическихъ судорогъ, но выраженіе того спокойствія духа, съ какимъ онъ такъ часто предъ тѣмъ встрѣчалъ смерть и опасности, и съ какимъ онъ умеръ, какъ истинный Христіанинъ. Во все время болѣзни и до самой кончины, сынъ его, Графъ Леонтій Карловичъ, безотлучно при немъ находился, оказывая ему всевозможное попеченіе, въ чемъ усердно содѣйствовали Адъютанты покойнаго Графа, Лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона Поручики Типпольтъ и Генъ. Сей послѣдній, съ помощію оплакивающихъ добраго господина слугъ, положилъ покойнаго Графа въ гробъ. Погребеніе тѣла его послѣдовало 3 Іюля, и по предписаннымъ о умершихъ въ холерѣ правиламъ, прахъ сего безсмертнаго мужа покоится на вновь устроенномъ кладбищѣ на Выборгской сторонѣ.

Супруга покойнаго Графа, Графиня Каролина Ивановна, и дочь его спѣшили въ городъ, когда имъ объявили о болѣзни Графа, которую, по уваженію болѣзненныхъ припадковъ, коими Графиня давно страдала, сначала предъ нею тщательно скрывали. Но на половинѣ дороги встрѣтилъ ихъ служившій подъ

начальствомъ Графа, Подполковникъ Шилль, и горестное душевное участіе, изображенное на лицѣ его, открыло имъ плачевную вѣсть.

Глубочайшее ихъ прискорбіе усугублено еще тѣмъ, что судьба имъ не дозволила нѣжнымъ своимъ попеченіемъ облегчить послѣднія минуты любимаго ими супруга и родителя.

Графъ Карлъ Ивановичъ, скончавшись на 66 году отъ рожденія, оставилъ двухъ сыновей, изъ коихъ старшій, Графъ Александръ Карловичъ, Флигель-Адъютантъ Его Императорскаго Величества, Гвардіи Полковникъ, состоявшій прежде того Адъютантомъ у Генералъ-Фельдмаршала Графа Паскевича-Эриванскаго, во время кончины родителя своего находился въ дѣйствующей Арміи. Младшій сынъ, Графъ Леонтій Карловичъ, служитъ въ Конной Артиллеріи Подпоручикомъ. Жизнь человѣка, знаменитаго великими подвигами, благодѣтельна для потомства не токмо послѣдствіемъ дѣлъ его: она сверхъ того можетъ служить примѣромъ для другихъ, желающихъ содѣлаться полезными въ кругу своихъ дѣйствій.

Графъ Опперманъ, имѣя отъ природы проницательный умъ, при первомъ взглядѣ на какое либо предпріятіе или дѣло, обозрѣвалъ всѣ подробности онаго и, по свойству генія, немедленно зналъ, съ чего начать все

предпріятіе, чтобы дать оному настоящее направленіе къ успѣху. Съ быстротою воображенія онъ соединялъ правильность ума въ высочайшей степени, и потому не токмо умѣлъ начертать первоначальную мысль, но въ то же мгновеніе предвидѣть и всѣ условія исполненія оной, распредѣлить предметы, до коихъ оно касаться могло, сдѣлать неошибочный размѣръ времени и работъ, указать исполнителямъ участіе въ оныхъ, и снабдить ихъ полнымъ и яснымъ руководствомъ, которое, въ случаѣ надобности, онъ самъ былъ бы въ состояніи выполнить. По чрезвычайной способности цѣнить людей, онъ сообразовался съ способностями ихъ, и зналъ, кому дать общее и кому подробнѣйшее наставленіе.

Отъ удивительной памяти Графа, даже въ старости не ослабѣвшей, зависѣло ежеминутно при наступленіи надобности вспомнить почти о каждомъ нѣсколько значительномъ обстоятельствѣ дѣла или происшествія, если оно только единожды доходило до его свѣдѣнія, и столько же легко для него было въ крапчайшее время познакомиться съ новымъ предметомъ, переходя отъ одного занятія къ другому, весьма разнородному, всегда съ одинаковою правильностію и свѣжестію мыслей. По всѣмъ симъ причинамъ резолюціи его на дѣловыхъ бумагахъ всегда были пра-

вильны и, по знанію дѣла, столь же облегчительны для исполнителей, какъ резолюціи покойнаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Михаила Богдановича Барклая де Толли. Вообще можно сказать, что оба сіи великіе мужа имѣли между собою большое сходство относительно производства дѣлъ ввѣренныхъ имъ управленій.

Основательный умъ ихъ, какъ будто бы служилъ живымъ дополненіемъ и толкованіемъ существующихъ государственныхъ законовъ, и потому главныя управленія, подъ начальствомъ ихъ находившіяся, а равно дѣла особыхъ порученій, Высочайшею довѣренностію на нихъ возлагаемыя, по постояннымъ правиламъ безпрерывно подвигались къ усовершенствованію; — подчиненные ихъ, не завися отъ порывовъ ума и страстей начальниковъ, ежедневно имѣли въ виду примѣрный и неизмѣняемый порядокъ службы, въ коемъ каждому указанъ былъ опредѣленный кругъ дѣйствій.

Но сіи же высокіе начальники, въ случаѣ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, немедленно приступали къ тѣмъ необыкновеннымъ мѣрамъ, къ коимъ дарованія ихъ открыли имъ возможность, и тогда же для новыхъ обстоятельствъ умѣли составить новыя правила.

Таковыя необыкновенныя свойства природнаго ума, изощреннаго многолѣтнею опы-

тностію, безъ сомнѣнія неподражаемы: но дѣятельность покойнаго Графа К. И. была примѣромъ для всѣхъ его подчиненныхъ. Если только была возможность къ исполненію, то онъ никогда не откладывалъ дѣла на другой день, а немедленно приступалъ къ окончанію онаго. Дорого цѣня собственное свое время, онъ столь же мало любилъ отнимать принадлежащее службѣ время у подчиненныхъ своихъ; охотно назначалъ имъ часъ для выслушанія представленій ихъ, а ждать заставлялъ только въ случаѣ крайней необходимости. Онъ вставалъ весьма рано, занимался дѣлами службы съ самаго утра до 4 или 5 часа по полудни, и потомъ, едва имѣя нѣкоторое отдохновеніе съ 7 до 11 часовъ и долѣе, занимался снова въ кабинетѣ своемъ, или засѣданіями въ разныхъ Комитетахъ, по коимъ въ продолженіе службы своей такъ часто назначаемъ былъ Членомъ или Предсѣдателемъ. Сей образъ жизни продолжалъ онъ даже въ то время, когда по приближающейся старости, иногда страдалъ отъ болѣзненныхъ припадковъ.

Преисполненный преданности и благодарности къ Императорскому Дому, никогда не забывая оказанныхъ ему частными людьми одолженій и услугъ, Графъ Оппермань во всякое время готовъ былъ на помощь стра-

ждущему человѣчеству, заслуженнымъ воинамъ и чиновникамъ. Онъ многимъ вдовамъ исходатайствовалъ пенсіоны, доставлялъ всевозможныя средства къ воспитанію сиротъ, и, по свойственной ему скромности, оказывалъ многія благодѣянія, которыя однимъ облаготвореннымъ были извѣстны.

Графъ Опперманъ, будучи добрымъ супругомъ и отцемъ, въ свободныя отъ службы минуты душевно наслаждался семейственнымъ счастіемъ.

При воспитаніи собственныхъ своихъ дѣтей и военнаго юношества, онъ считалъ первымъ предметомъ внушеніе правилъ благочестія, чувствъ любви и преданности къ Богу, къ Государю и къ отечеству. Онъ умѣлъ быть взыскательнымъ за упущенія, но жестокимъ никогда не могъ быть; осчастлививъ многихъ, никого не сдѣлалъ несчастливымъ. Жертвуя всѣмъ для службы, руководствуясь правилами непоколебимой честности, онъ постоянно дѣйствовалъ по душевному убѣжденію, что если каждый начальникъ и каждый подчиненный по долгу совѣсти соблюдетъ всѣ свои обязанности, то желаніе Вѣнценоснаго Отца Россіи, видѣть благоденствіе дѣтей Своихъ, непремѣнно исполнится.

Графъ Опперманъ былъ достоинъ вѣка Николая I.

III.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Письмо къ Издателямъ.

Неоднократно уже удостоивались краткія статьи мои вниманія вашего, и я видѣлъ оныя помѣщаемыми въ вашихъ періодическихъ листкахъ, а особливо въ Сѣверной Пчелѣ. Нынѣ снова посылаю къ вамъ краткую статью, съ просьбою, буде оная заслуживаетъ вниманіе, помѣстить ее въ одномъ изъ Журналовъ вашихъ.

Недавно, при перечитываніи нѣкоторыхъ Англійскихъ сочиненій, меня поразилъ одинъ предметъ Политической Экономіи, Науки столь уважаемой, и коею нынѣ столь много занимаются. Предметъ сей есть *обращеніе капиталовъ* или *денегъ*, представленный въ томъ видѣ, въ которомъ оный не обращалъ вниманія не только прежнихъ знаменитыхъ Писателей о Политической Экономіи: Адама Смита, Стюарта и Пинто, но даже, сколько мнѣ извѣстно, не былъ въ виду и у самыхъ новѣйшихъ Писателей, Сея и Маккуллоха. — Сіе подало мнѣ мысль приспособить расчеты о обращеніи денегъ къ нашему житейскому быту, и ясно, какъ я на-

дѣюсь, доказать, что извѣстная сумма, напр. 100 рублей, въ одинъ день или въ опредѣленное время умножается въ-десятеро и болѣе.

Мысль сія, разсматриваемая съ той точки зрѣнія, съ которой оная здѣсь взята, и объясненная примѣромъ, сдѣлается ясною, хотя въ теоріи она не для всѣхъ можетъ быть удобопонятна. — Можетъ быть, сіе изложеніе, если я смѣю льстить себя надеждою, подастъ поводъ кому либо изъ многочисленныхъ и просвѣщенныхъ читателей вашихъ или изъ любителей Политической Экономіи, сдѣлать изъ сего какіе либо общіе выводы объ умноженіи народнаго богатства, и ясно изложить причину, почему внутренняя промышленость и торговля несравненно быстрѣе увеличиваютъ народное благосостояніе и богатство, нежели всѣ рудники драгоцѣнныхъ металловъ Стараго и Новаго Свѣта вмѣстѣ взятые могли бы сдѣлать. — Одна только надежда подать кому либо счастливую мысль заставила меня написать статью сію. Впрочемъ, я никогда не смѣлъ думать, чтобы мысль сія была совершенно новая, но она ясностію своею такъ меня очаровала, что я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи, нѣкоторымъ образомъ развить оную и сдѣлать извѣстною просвѣщеннымъ читателямъ вашимъ, несравненно болѣе меня спо-

собнымъ вывесть результаты важнѣйшіе и любопытнѣйшіе.

Обращеніе капиталовъ, денежный оборотъ (circulation), есть частый переходъ денегъ изъ рукъ въ руки, въ видѣ вознагражденія за взаимно оказанныя услуги. — Одна простая мѣна, или переводъ денегъ, не заслуживаетъ названія оборота и не можетъ произвесть того результата, коего ожидать можно отъ обращенія капитала, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ деньги переходятъ отъ одного къ другому въ знакъ вознагражденія за оказанныя услуги.

Слѣдующій примѣръ, кажется, можетъ хорошо объяснить истинное существо и составъ денежныхъ расчетовъ, и выгоды, пріобрѣтаемыя отъ минутнаго, такъ сказать, обладанія деньгами, въ теченіе обыкновенныхъ въ обществахъ сношеній и дѣлъ.

Положимъ, что нѣкто А. получилъ, въ счетъ постояннаго своего содержанія или жалованья, нѣкоторую сумму денегъ за извѣстный прослуженный имъ срокъ или за нѣкоторые труды. И такъ:

А. пусть получитъ свое содержаніе за недѣлю, составляющее 5 полуимперіяловъ. Сумма сія есть чистое вознагражденіе за труды его, и составляетъ 52 часть его годоваго дохода, посему вся

полученная имъ сумма есть чистая для него прибыль . . . . . 100 р.

Онъ сими деньгами тогда же уплачиваетъ по счету долгъ своему сапожнику Б., для коего только та часть сихъ денегъ есть чистая прибыль, которую онъ собственно заработываетъ, исключивъ матеріялы; посему прибыль сапожника составитъ . . . . . 40 „

Б. сапожникъ платитъ всѣ . . 100 „ кожевнику, коего чистая прибыль составляетъ . . . . . 50 „

И того . . . 190 р.

В. кожевникъ уплачиваетъ счетъ своего портнаго въ 100 рублей. — Вычтя расходы его, прибыль портнаго простираться будетъ до . . . . 60 „

Г. портной платитъ деньги сіи купцу, сукномъ торгующему, коего прибыль обыкновенно простирается до 20 процентовъ; онъ получитъ на свое содержаніе . . . . . 20 „

Д. купецъ уплачиваетъ тѣ пять полуимперіяловъ лавочнику, у коего онъ забираетъ съѣстные припасы, и коего прибыль, простираясь до 10 на сто, составитъ . . . . . 10 „

Е. лавочникъ уплачиваетъ хозяину за наемъ квартиры за полгода 100 ру-

блей, но сія сумма не составляетъ чистой прибыли хозяина дома, но есть доходъ, изъ коего должно вычесть: издержки на починки, повинности, плату за взятый капиталъ взаймы при строеніи и проч., и посему собственно хозяину останется на свое содержаніе . . . . . 30 р.

Ж., хозяинъ дома, уплачиваетъ сими пятью полуимперіялами проценты за взятый въ долгъ капиталъ у своего заимодавца, для коего вся сумма есть чистая прибыль . . . . . 100 „

И того . . . 430 р.

З. платитъ деньги сіи своему каретнику, за починку своихъ экипажей, который получаетъ изъ оныхъ чистой прибыли . . . . . 40 „

І. каретникъ уплачиваетъ всѣ деньги своему мяснику, коего прибыль состоитъ изъ . . . . . 30 „

К. мясникъ отдаетъ деньги сіи своему стряпчему Л., для коего всѣ 100 рублей, за исключеніемъ маловажныхъ издержекъ, были бы чистою прибылью, но

Л. стряпчій того же вечера проигрываетъ въ карты всю сумму; посему слѣдовавшіе ему на содержаніе 5 полуим-

періяловъ обращаются на содержаніе игрока, выигравшаго оную . . . . 100 р.

М. игрокъ проситъ одного изъ зрителей размѣнять сію сумму на ассигнаціи, при чемъ сей послѣдній, разумѣется, ничего не выигрываетъ . . . . . 0 „

N. зритель, будучи худымъ плательщикомъ, находится принужденнымъ угрозами одного купца О., у коего онъ забиралъ разные наряды, заплатить 5 полуимперіяловъ за долгъ, который уже такъ давно былъ сдѣланъ, что проценты на оный поглотили всю слѣдовавшую купцу прибыль, почему сей послѣдній ничего барыша не пріобрѣлъ . . . . 0 „

О. купецъ, соглашаясь по просьбѣ своего пріятеля, крестить у него новорожденное дитя, даритъ оному всю сію сумму . . . . . 0 „

П. пріятель сей прячетъ всю сію сумму въ шкатулку для ребенка, и такимъ образомъ обращеніе денегъ сихъ останавливается на долгое время.

Всего . . . . 580 р.

При семъ случаѣ, вышеозначенные 100 рублей переходятъ изъ рукъ въ руки одиннадцать разъ съ выгодою для получателей, и четыре раза безъ всякой для нихъ прибыли. Число четырехъ безвыгодныхъ передачъ

могло быть удобно умножено, но для настоящей цѣли и сихъ достаточно.

Въ одиннадцати передачахъ отъ А до К и М сто рублей производятъ 580 рублей; а если разсмотрѣть предметъ сей въ болѣе обширномъ смыслѣ, то мы увидимъ, что въ каждомъ переходѣ сихъ денегъ, въ видѣ награды или цѣны за работу, всю сумму 100 рублей должно считать, какъ способствующую къ содержанію многихъ другихъ лицъ, кромѣ непосредственныхъ получателей сихъ денегъ. — Когда портной платитъ 100 рублей купцу Д., то хотя сей послѣдній выигрываетъ только 20 рублей, но остальные 80 должно считать также цѣною работъ на фабрикахъ при изготовленіи сукна. — Лавочникъ Е., коего прибыль составляетъ 10 рублей, давно издержалъ остальные 90 на уплату цѣны за труды и работу при произведеніи, выдѣлкѣ и перевозкѣ разныхъ припасовъ, коими онъ торгуетъ. Такимъ образомъ, смотря съ сей точки зрѣнія, вмѣсто 580 рублей, можно считать 1100 рублей, наградою за труды неопредѣленнаго числа лицъ. — Слѣдовательно сіи 1100 рублей можно принять за настоящее произведеніе или прибыль отъ обращенія упоминаемыхъ 100 рублей.

Производящій классъ народа (*) не имѣлъ

(*) Производящимъ классомъ народа въ Государ-

непосредственнаго участія въ прибыли первыхъ 580 рублей, кои достаются, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ показано, одиннадцати особамъ, другъ отъ друга заработывающимъ въ 11-ти разныхъ передачахъ изъ рукъ въ руки. Но участки производящаго класса заключаются въ остальныхъ 520 рубляхъ, кои составляютъ съ предъидущими полное приращеніе 1100 рублей. Однако жъ и сіи 520 рублей не всѣ на ихъ долю приходятся, но только часть, составляющая собственно плату за работу ихъ, которая присчитана къ цѣнѣ товаровъ, составляющихъ предметъ тѣхъ одиннадцати денежныхъ передачъ; но за то имъ достается и изъ 580 рублей косвеннымъ образомъ нѣкоторая часть, ибо всѣ одиннадцать пріобрѣтателей сихъ 5 полуимперіяловъ должны, болѣе или менѣе, выдать изъ оныхъ на закупку припасовъ или матеріяловъ для работъ.

Слѣдовать за всѣми результатами денежныхъ оборотовъ во всѣхъ отрасляхъ торговыхъ сношеній между людьми и народами, выводить прибыли каждой отрасли и проценты, получаемые съ капиталовъ, завело бы слишкомъ далеко, и никогда бы не могло согла-

---

сіихъ называются работники-земледѣльцы; иногда же фабричные и ремесленники.

соваться съ предположенною мною цѣлью и, вмѣсто краткихъ очерковъ для журнальной статьи, вышло бы цѣлое теоретическое разсужденіе о важномъ предметѣ Политической Экономіи.

Не могу однако жъ не сказать нѣсколько словъ о дѣйствіи, кои денежные обороты имѣютъ на производящій классъ народа, то есть, на работниковъ. — Дѣйствіе сіе состоитъ въ томъ, что оно нѣкоторымъ образомъ заставляетъ вдвое болѣе работать и производить припасовъ, необходимыхъ для поддержанія общества.

Такимъ образомъ земледѣлецъ обыкновенною работою добываетъ столько припасовъ, чтобы остающіеся отъ собственнаго своего потребленія продать тому, кто можетъ за оные ему въ замѣну дать деньги, коими онъ уже искупаетъ предметы и работы, въ коихъ онъ нуждается. Безъ денегъ же, земледѣлецъ, получивъ, чрезъ мѣну своихъ произведеній, нужные товары, болѣе уже не работаетъ, будучи увѣренъ, что сею мѣною онъ ничего такого не передалъ своимъ согражданамъ, чѣмъ бы они могли поощрить его къ прибавочной работѣ. Земледѣлецъ, промѣнивающій свой ленъ нуждающемуся въ ономъ сосѣду на шерсть, употребляетъ оную на свои нужды. Сосѣдъ же его также потребитъ

лень, а не предложитъ ему онаго обратно за хлѣбъ. Или положимъ, что хлѣбопашецъ вознаградитъ ткача хлѣбомъ за изготовленіе изъ его шерсти сукна. Ткачъ, разумѣется, потребитъ сію провизію, и у него ничего не останется, чѣмъ бы поощрить хлѣбопашца къ дальнѣйшимъ трудамъ. Такимъ образомъ хлѣбопашецъ и ткачъ работаютъ по разу одинъ для другаго. Но гдѣ деньги въ обращеніи, тамъ хлѣбопашецъ продаетъ весь свой излишекъ за деньги, коими онъ можетъ удовлетворить ткача и другихъ старательныхъ членовъ Государства, а сіи могутъ, пріобрѣтенными такимъ образомъ деньгами, поощрить его къ дальнѣйшей прибавочной работѣ, въ надеждѣ получить обратно деньги свои для удовлетворенія второстепенныхъ уже нуждъ. И такимъ образомъ начинается обращеніе денегъ, отъ землепашца и обратно къ нему. Деньги, поощряя его къ выказыванію дальнѣйшихъ производительныхъ средствъ, въ то же время умножаютъ продовольствіе, а симъ обогащаются и процвѣтаютъ народы.

Сія послѣдняя мысль, вовсе не новая, и не заслуживала бы особаго вниманія, еслибы она, сколько я понимаю, очевидно не показывала, почему Русскіе земледѣльцы, крестьяне, имѣющіе всѣ выгоды и способы въ сравненія

съ бо́льшею частію другихъ Европейскихъ, одного съ ними званія, людей, ибо у насъ всѣ почти владѣютъ землею и притомъ въ достаточномъ количествѣ, живутъ въ черныхъ и худыхъ избахъ, и одѣваются грубо и нечисто. Причина сему не есть недостатокъ денегъ, но недостатокъ оныхъ въ обращеніи; слѣдовательно невозможность сбывать излишнія произведенія воспрещаетъ, такъ сказать, крестьянамъ трудиться для произведенія большаго количества, ибо остальное онъ не могъ бы продать за цѣну, могущую достаточно вознаградить его труды; и посему онъ довольствуется грубымъ сѣрымъ кафтаномъ и лаптями для одежды, а черный хлѣбъ, иногда съ капустой или съ чѣмъ нибудь подобнымъ, употребляетъ въ пищу; роскошь его составляетъ нарочито большое количество хлѣбнаго вина.

Такимъ образомъ произвожденіе у насъ не столько увеличивается, какъ бы можно было, а народное богатство не возрастаетъ въ той мѣрѣ, въ коей бы должно было, судя по средствамъ, коими благотворное Провидѣніе наградило Россію ..... Но я невольно пустился въ разсужденія и тѣмъ удалился отъ цѣли моей, почему спѣшу заключить письмо сіе, испрашивая, какъ вашего, господа Издатели,

такъ и просвѣщенныхъ читателей вашихъ, милостиваго снисхожденія и многотерпѣнія.

Вашъ постоянный читатель
А. Д.

Августа 1831.

IV.

НОВАЯ ИСТОРІЯ.

Изображеніе характера и содержанія Исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій.

(*Продолженіе.*)

51. Умилительно было сіе перерожденіе! Торжественное вѣнчаніе на Царство, которымъ Іоаннъ желалъ освятить власть свою, супружество, соединившее судьбу перваго Царя Россіи съ существомъ, украшеннымъ всѣми любезнѣйшими качествами сердца; пожаръ, испепелившій Москву, и бунтъ, вслѣдъ за симъ зломышленниками произведенный, пророческія вѣщанія и смѣлые, горькіе укоры Царю Іерея Сильвестра, и дружескія внушенія добродѣтельнаго и просвѣщеннаго Адашева, и наконецъ благородная человѣческая природа, возгнушавшаяся пустотою шумныхъ и буйныхъ наслажденій, произвели въ

17-ти-лѣтнемъ Іоаннѣ благодѣтельную перемѣну, и юное сердце Царя отверзлось для добра и славы непорочной. Отселѣ пятнадцатилѣтній (отъ 1547-1560) періодъ его царствованія, самый блистательный періодъ въ его жизни и въ судьбѣ Государства. Отогнавъ отъ себя товарищей своихъ прежнихъ шумныхъ забавъ, Царь окружилъ себя людьми благодушными; съ ними вмѣстѣ весь предался высокимъ заботамъ и трудамъ державнымъ, и совершилъ великія дѣла, которыя ручаются ему за безсмертіе въ Исторіи. Годъ 1550 ознаменованъ былъ изданіемъ *Судебника*, полной системы нашихъ древнихъ законовъ, сообразныхъ съ потребностями времени, и *Стоглава*, который содержалъ въ себѣ узаконенія, до управленія церковнаго относящіяся. Устроивъ Державу свою по двумъ важнѣйшимъ частямъ внутренняго управленія, гражданской и духовной, Іоаннъ имѣлъ желаніе и намѣреніе просвѣтить ее: учредилъ въ Москвѣ первую Русскую типографію (г. 1553), и завелъ училища, какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ городахъ, для образованія духовныхъ, яко первыхъ наставниковъ народа; но обширный планъ общаго образованія народнаго вызовомъ изъ Германіи великаго числа ремесленниковъ и художниковъ, врачей, типографщиковъ, ученыхъ, не исполнился

отъ низкой зависти Ливонскихъ Нѣмцевъ, боявшихся просвѣщенія Россіи. Вмѣстѣ съ сими дѣлами внутренняго преобразованія, Государь давалъ уже чувствовать силу своего оружія непріятелямъ внѣшнимъ, которые забыли могущество Россіи во время его малолѣтства и боярскихъ смутъ, и тревожили ее безнаказанно своими вторженіями. Казань первая обратила на себя его вниманіе, и послѣ упорнаго, храбраго сопротивленія, пала къ подножію его престола (г. 1552), а вскорѣ за нею (г. 1554) пала и Астрахань, такъ, что Іоаннъ, въ коротное время, увидѣлъ себя обладателемъ знатнѣйшей части Батыева Царства, и раздвинулъ вдругъ свои владѣнія на В. до Каменнаго пояса и на Ю. до подошвы Кавказа, обезопасивъ навѣки съ сей стороны Россію отъ внезапныхъ вторженій, нарушавшихъ ея внутреннее спокойствіе и препятствовавшихъ преспѣянію государственному. Въ то же время, какъ Россія, вмѣстѣ съ юнымъ, обожаемымъ Царемъ своимъ, ликовала и наслаждалась заслуженнымъ торжествомъ надъ непріятелемъ, столь долго страшнымъ ей, столь долго предписывавшимъ ей законы, прибывшее въ устье Сѣверной Двины (г. 1553) Англійское судно послужило основачіемъ первой Русской торговлѣ и первымъ непосредственнымъ нашимъ

связямъ съ Западною Европою. Безопасный и сильный съ В., Царь устремилъ, подобно дѣду своему, оружіе на З., на Ливонію, и по давней враждѣ съ сею страною, и по справедливымъ нашимъ жалобамъ и неудовольствіямъ на Орденъ, завистливо старавшійся заслонить Европу отъ Россіи, и по могущественному наконецъ желанію утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря. Передъ началомъ сей войны кровопролитной совершилось (г. 1556) новое важное государственное учрежденіе: введена была правильнѣйшая система сбора воиновъ узаконеніемъ, которымъ положено было, что всякій владѣлецъ 100 четвертей *угожей* земли долженъ былъ итти въ походъ на конѣ и въ полномъ вооруженіи, или поставить вмѣсто себя другаго, или внести въ казну положенную за то цѣну, и которымъ опредѣлено было во время похода давать всѣмъ жалованье. Симъ способомъ Іоаннъ и привелъ въ извѣстность и увеличилъ свои военныя силы, такъ, что, имѣвъ подъ Казанью 150,000, онъ могъ вскорѣ вывести въ поле до 300,000 воиновъ конныхъ и пѣшихъ. Послѣдніе, именовавшіеся *стрѣльцами*, составляли уже безсмѣнное войско, и размѣщены были по городамъ, особенно по пограничнымъ. Такими-то силами могъ располагать Государь, когда рѣшился ударить

на Орденъ. Война началась (г. 1558) и продолжалась успѣшно; битвою при Феллинѣ (г. 1561) рушилось бытіе Ордена, и послѣдній Гросмейстеръ, старецъ Фирстенбергъ, еще прежде сдавшій свое достоинство юному Кеттлеру, выѣхалъ въ Россію и кончилъ въ ней дни свои. Іоаннъ близокъ былъ къ той цѣли, къ которой стремился дѣдъ его; слѣдствія отъ утвержденія владычества Россіи *тогда же* на берегахъ Балтійскаго моря были бы безмѣрны; но уже снова измѣнялась душа Царя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьба Царства должна была измѣниться.

52. Тяжкая болѣзнь Іоанна (г. 1553) въ цвѣтѣ юности и на верху славы, приблизившая его ко краю гроба, открыла ему строптивость вельможъ, которые при одрѣ умирающаго Государя хотѣли распоряжать престоломъ, и отказывались присягать въ вѣрности первому и тогда еще единственному его сыну, младенцу Димитрію. Потрясеніе, какое должна была испытать при семъ событіи пылкая душа Іоаннова, произвело спасительный переломъ въ его болѣзни; Царь воскресъ, возвратилось къ нему цвѣтущее здоровье и, по видимому, прежнее свѣтлое спокойствіе и ясность духа; но въ глубину души его запало горькое чувство недовѣрчивости и подозрѣній; къ большему несчастію,

самые близкіе къ сердцу его люди, Сильвестръ и Адашевъ, вели себя въ семъ случаѣ двусмысленно. Здѣсь первая причина перемѣны. Другая причина была утрата обожаемой супруги: Царица Анастасія скончалась (г. 1560), и въ ней лишился Іоаннъ ангела хранителя своей душевной чистоты. Третія и главная причина находится въ самомъ характерѣ Іоанна, гнѣвномъ, необузданномъ, обуреваемомъ порывами страстей пламенныхъ, склонномъ къ деспотизму. Сіи свойства прорывались и въ самыя минуты свѣтлаго торжества и радостныхъ ощущеній. Такъ по взятіи Казани, Царь, по словамъ Курбскаго, „отрыгнулъ нѣчто неблагодарно, и разгнѣванный однимъ Воеводою, сказалъ вельможамъ: „нынѣ оборонилъ мя Богъ отъ васъ“ — слова знаменательныя, обнажающія тайну души Іоанновой! Въ пространствѣ времени отъ 1547 до 1561, и юность цвѣтущая, эта Поэзія жизни, когда человѣкъ столь расположенъ бываетъ къ ощущеніямъ возвышеннымъ и благороднымъ, и счастливое супружество, и ободрительное сознаніе великихъ дѣлъ, имъ совершенныхъ, и всѣ обстоятельства стеклись къ тому, чтобы, если не истребить въ Царѣ дурныя качества, глубоко вкорененныя пагубнымъ воспитаніемъ, то по крайней мѣрѣ остановить, сдѣлать не-

умѣстнымъ, невозможнымъ ихъ обнаруженіе. Обстоятельства перемѣнились съ 1561 года. Самые успѣхи счастливыхъ 13 лѣтъ сдѣлали его самонадѣяннѣе, горделивѣе, и уже не совѣтовъ требовалъ Іоаннъ отъ своихъ окружающихъ, а повиновенія безмолвнаго. Сіе направленіе и расположеніе духа было замѣчено людьми, искавшими возвыситься, низкими завистниками благодѣтельнаго могущества Сильвестра и Адашева при Царѣ; клевета употребила свои усилія, чтобы погубить ихъ во мнѣніи Государя и удалить отъ лица его: это удалось вполнѣ, тѣмъ болѣе, что Іоанну уже противны были смѣлыя противорѣчія сихъ совѣтниковъ добра и правды; онъ уже видѣлъ въ сихъ противорѣчіяхъ не желаніе блага Царству и Царю, а одно преступное сопротивленіе его волѣ, и раскаявался какъ бы въ грѣхѣ какомъ, что послѣдовалъ нѣкогда внушеніямъ благодушныхъ любимцевъ. Другіе люди окружили Государя; старались увлечь его на прежній путь наслажденій шумныхъ, столь сообразныхъ съ его характеромъ необузданнымъ, старались унизить его нравственное человѣческое достоинство, чтобы легче овладѣть имъ, и восторжествовали. Отселѣ Исторія царствованія Іоаннова есть смутная и отвратительная повѣсть его насилій и злодѣйствъ до самой кончины (г. 1584). Окруживъ

себя толпою злодѣевъ, гнусныхъ льстецовъ и клеветниковъ, заслонивъ себя отъ народа особенными телохранителями, страшными опричниками (г. 1565), Іоаннъ какъ бы отдѣлился отъ Государства. Назначивъ для себя лично разные города и волости и часть Москвы подъ именемъ *Опричины*; назначивъ себѣ особенные доходы и опредѣливъ особенныхъ чиновниковъ для управленія Опричины, все прочее, т. е. все Государство, подъ именемъ *Земщины*, отдалъ въ завѣдываніе земскимъ боярамъ, и предалъ его на расхищеніе своимъ новымъ любимцамъ и опричникамъ. Гонимый изъ Кремля, изъ самой Москвы великими воспоминаніями старины, воспоминаніями свѣтлыхъ лѣтъ своего собственнаго царствованія, Іоаннъ удалился съ своими опричниками въ Александровскую слободу, и оттуда пріѣзжалъ по временамъ въ столицу для казней и мучительства. Опричники были обвинителями, судіями и палачами; они же и пользовались плодами своихъ насильствъ: имѣнія казненыхъ и опальныхъ доставались имъ. Клевета сдѣлалась ремесломъ, промысломъ прибыльнымъ, средствомъ показать усердіе Царю и заслужить его благоволеніе. Хотя чрезъ семь лѣтъ (г. 1572) орудіе тиранства, опричина, была уничтожена, но Іоаннъ и послѣ того не переставалъ быть тираномъ. Не одни

вельможи, которыхъ онъ ненавидѣлъ, думая видѣть въ нихъ крамольниковъ, а духовные, города, цѣлыя области, разныя сословія народа, разные возрасты: и младенцы и старцы и слабыя жены испытали на себѣ дѣйствія яраго гнѣва Грознаго Царя, который, по словамъ Лѣтописи: „овыхъ убивая, иныхъ же „заточенію предавая, и тако многолѣта во „дни живота своего провождая, и наконецъ „же старости пришедъ, нрава же своего ни„како премѣнити возможе.“ — Страдая въ настоящемъ, Русскіе должны были трепетать и за будущее. Два сына были у Іоанна: младшій, Ѳеодоръ, слабый и тѣломъ и духомъ, и старшій, сопменный отцу и любимецъ души его, подобіе Грознаго и умомъ и характеромъ, былъ участникомъ и товарищемъ его злодѣйствъ. Онъ погибъ (г. 1482) отъ руки отца въ пылу его ярости, и обременивъ новымъ, рѣдкимъ преступленіемъ свою и безъ того уже злодѣйствами отягченную память, Іоаннъ сыноубійствомъ, можетъ быть, спасъ Россію отъ втораго ужаснаго царствованія. Въ наши дни, подъ сѣнію Правительства твердаго своею благостію и любовію народа, сей Россійскій Калигула получилъ своего Тацита, который съ такою же, какъ и знаменитый Римскій Историкъ, святою ненавистію къ пороку представилъ тиранство Іоанново во

всей отвратительной наготѣ его — „да видя содрогаемся!“ (*)

53. Среди такихъ событій внутреннихъ, внѣшнія предпріятія не могли быть ни славны, ни успѣшны. Война Ливонская, занимавшая Россію во все остальное время Іоаннова царствованія, становилась годъ отъ году запутаннѣе и многосложнѣе до того времени, пока содѣлалась она источникомъ незаслуженнаго Россіею униженія, до котораго онъ довелъ свою Державу. Послѣ рѣшительной битвы Феллинской, Кеттлеръ, видя невозможность сопротивляться силѣ Россійскаго Государя, сложилъ съ себя достоинство Гросмейстера (г. 1561) и сдалъ Орденскую землю Сигизмунду, Королю Польскому, признавъ себя вассаломъ сего Государя, и получивъ въ наслѣдственное владѣніе Курляндію съ титуломъ Герцогства; съ другой стороны, въ то же время Эрикъ, Король Шведскій, занялъ своими войсками береговую часть Эстляндіи отъ Ревеля до Нарвы; сверхъ того и Данія вмѣшалась въ войну сію, по своему соперничеству съ Швеціею. Такимъ образомъ Ливонія сдѣлалась для Государствъ сѣверовосточной Европы тѣмъ же, чѣмъ былъ Медіоланъ для Европы югозападной(34, 35): точкою соприкосновенія для че-

(*) Карамзинъ.

тырехъ Государствъ: Россіи, Польши, Швеціи и Даніи. Споры и войны между ними за Ливонію въ теченіе 25 лѣтъ (г. 1558-1583) служатъ первымъ проявленіемъ идеи о политическомъ равновѣсіи на СВ. Европы; усилія Швеціи и Польши имѣли цѣлію не дать Россіи утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря и пріобрѣсть себѣ перевѣсъ рѣшительный — и въ семъ состоитъ важность ихъ относительно къ Общей Исторіи Европы. Послѣднимъ торжествомъ Русскаго оружія въ войнѣ Ливонской, съ которою слилась тогда война противу Сигизмунда II, Короля Польши и Литвы и защитника Ливоніи, было взятіе Полоцка (г. 1563), сего древняго удѣла Рогнѣдиныхъ потомковъ, во времена слабости и междоусобій отторженнаго Литвою въ XIV вѣкѣ, и составлявшаго тогда достояніе Сигизмунда. Отселѣ, то незначащія битвы съ Литвою и Шведами, прерываемыя переговорами о мирѣ, то явныя неудачи, и сила оружія царскаго обнаруживалась только въ томъ, что онъ жегъ несчастную Ливонію. И между тѣмъ, какъ Іоаннъ, не смотря на свои усилія, уже явно отшѣсняемъ былъ отъ желанныхъ береговъ Балтійскаго моря, между тѣмъ, какъ жестокости его тиранства лишали Россію добрыхъ воеводъ, умиравшихъ или въ мукахъ казней, или бѣжавшихъ

отъ его яраго гнѣва, Крымскіе Татары начали дерзновенно опустошать южные края Государства, и — уже отвыкшая видѣть непріятелей въ нѣдрахъ своихъ Россія — съ ужасомъ увидѣла новое нашествіе Хана Крымскаго (г. 1571). Менѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ предъ симъ завоеватель Казани и гроза Татаръ, Іоаннъ долженъ былъ выслушать наглыя требованія Девлетъ-Гирея о возстановленіи царствъ Батыевыхъ, и о платежѣ дани по прежнему; такъ унизилъ Государь достоинство свое и Россіи! Въ довершеніе уничиженія и позора, Девлетъ-Гирей быстро перелетѣлъ пространство отъ Крыма до предѣловъ Москвы, ознаменовавъ свой путь пожарами и опустошеніемъ. Россія была въ трепетѣ, въ опасности снова подвергнуться позорному Татарскому игу, и что же сдѣлалъ Царь въ эту годину, когда требовалось великодушія и рѣшительности? — Онъ бѣжалъ съ своею Опричниною отъ Серпухова мимо Москвы, спасая только себя, и малодушно оставляя и столицу и Россію на разграбленіе непріятелю. Смятенные Воеводы Іоанновы поспѣшили съ береговъ Оки на защиту престольнаго города, но не могли сохранить его отъ разоренія, небывалаго со временъ Тохтамышевыхъ. Девлетъ-Гирей испепелилъ Москву, и обремененный добычею и плѣнни-

ками, возвратился восвояси, а оттуда прислалъ Царю грамоту, которою повторялъ свои требованія, и грозилъ, въ случаѣ неисполненія оныхъ, новымъ нашествіемъ. Іоаннъ *билъ челомъ* Хану, и молилъ его не тревожить Россіи, обѣщая уступить Астрахань при окончательномъ заключеніи мира. На другой годъ (1572) новое нашествіе, подобное первому. Уже Ханъ переправился черезъ Оку, помчался знакомымъ путемъ къ Москвѣ, и уже назначалъ въ стѣнахъ едва возникшей изъ своего пепла столицы домы для вельможъ своихъ, а между тѣмъ Царь трепеталъ отъ сихъ вѣстей въ Новѣгородѣ, и старался утопить свою муку душевную въ шумныхъ пирахъ и казняхъ, снова оставляя Царство на произволъ судьбы. Побѣдитель Казани, Князь Воротынскій, знаменитый мужъ и брани и совѣта, уже испытавшій надъ собою опалу (г. 1562), почти четыре года томившійся въ ссылкѣ и потомъ возвращенный (г. 1565), спасъ въ семъ случаѣ и Царство и Царя. Упорная и кровопролитная битва на берегахъ Лопасни (въ 50 верст. отъ Москвы), рѣшилась въ пользу и во славу Русскихъ. Воротынскій своею побѣдою укрѣпилъ за Россіею и Казань и Астрахань, отмстилъ за разореніе Москвы, и смылъ безчестіе минувшаго года съ Русскаго имени. Сей первоначальникъ

Іоанновой славы въ Казанскомъ походѣ, и сей избавитель Россіи во времена стыда и бѣдствія на берегахъ Лопасни, чрезъ десять мѣсяцевъ (г. 1573) послѣ своей спасительной побѣды, измученъ былъ жесточайшими пытками, и скончался новой, великою жертвой тиранства Іоаннова.

54. Побѣда на берегахъ Лопасни есть единственное знаменитое событіе въ промежуткѣ времени отъ 1563 до 1572 года. Избавивъ отъ великой опасности Россію и ободривъ духъ народа, она примѣтно дѣйствовала и на духъ Іоанна, который въ отношеніяхъ своихъ къ Польшѣ и Швеціи заговорилъ голосомъ болѣе горделивымъ и рѣшительнымъ. Положеніе обоихъ сихъ Государствъ ободряло его къ тому: ибо Польша по смерти Сигизмунда II (г. 1572) была безъ главы, и Іоаннъ простиралъ свои надежды на занятіе Польскаго престола, подкрѣпляемый въ нихъ и партіею въ Польшѣ, по видимому расположенною въ пользу его; а въ Швеціи Іоаннъ Ваза, свергнувъ брата своего Эрика съ престола (г. 1568), трепеталъ и его приверженцевъ, разногласилъ и съ государственными чинами и съ цѣлою націею по причинѣ своей приверженности къ Католицизму, приверженности, которая внушаема ему была его супругою Екатериною Ягеллонъ и Іезуи-

тами, привезенными ею изъ Польши, и которая непріятна и опасна была для Протестантской Швеціи. По симъ причинамъ ни Швеція, ни Польша не имѣли возможности препятствовать дѣйствіямъ Іоанновымъ на берегахъ Балтійскаго моря, и онъ снова на свободѣ громилъ Ливонію и Эстонію; города, опаленные и разоренные, падали подъ власть его; но обстоятельства ужасно перемѣнились съ 1578 года. Въ 1574 г. избранъ былъ на престолъ Ягеллоновъ Князь Трансильванскій Стефанъ Баторій, и сей Государь есть одинъ изъ весьма немногихъ знаменитыхъ властителей, которыхъ имѣла Польша по учрежденіи въ ней избирательнаго Правленія, въ теченіе слишкомъ 200 лѣтъ до утраты ея государственной самобытности. Баторій, при вступленіи на престолъ Королевства Польскаго и Великаго Герцогства Литовскаго, обѣщался Сейму унять сосѣдей, и не дать имъ усилиться съ опасностію для Литвы и Польши: онъ имѣлъ и силу и волю сдержать свое слово. Обративъ полки свои на смиреніе взбунтовавшейся Пруссіи, Баторій не могъ воспрепятствовать Іоанну опустошать Ливонію; но не упускалъ изъ виду ни одного изъ его дѣйствій; пересылался съ нимъ грамотами, трактовалъ о мирѣ; но миръ невозможенъ былъ при неумѣренныхъ

требованіяхъ и высокомѣріи съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ началась война кратковременная (съ 1578-1582), но достопамятная и тратами и уничиженіемъ, до котораго довелъ себя Царь малодушный. Іоаннъ не довѣрялъ доблестямъ своего народа, не полагался и на искусство Воеводъ; ибо достойнѣйшіе или были имъ изгублены, или бѣжали отъ него и измѣняли отечеству, но при всемъ томъ не уставалъ и въ сіе грозное для Россіи время тиранствовать, и думалъ видѣть во всѣхъ, его окружающихъ, враговъ своихъ и предателей. Обратное завоеваніе Полоцка (г. 1579) было первымъ дѣйствіемъ оружія Баторіева; на другой годъ войска его, вступивъ во Псковскую область, покорили и разорили многіе города въ оной; на третій предпринята осада Пскова. Въ то же время Шведы, союзники Баторія, отнимали у насъ Эстонскіи завоеванія, и угрожали Новугороду. Россія дѣйствительно была въ опасности, но еще имѣла средства отъ нея избавиться со славою; имѣла воинство, какого не было у обоихъ вмѣстѣ враговъ ея ни по числу, ни по мужеству; имѣла преданность къ Царю своему, хотя и мучителю. Но Царь не видѣлъ сихъ средствъ и не вѣрилъ имъ, унижался передъ Баторіемъ, молилъ его о мирѣ и пощадѣ, какъ будто уже находился

въ послѣдней крайности изнеможенія, и тѣмъ давалъ поводъ своему непріятелю возвышать требованія, и вмѣсто того, чтобы искать способовъ къ избавленію себя отъ опаснаго врага вокругъ себя, въ своей Россіи, думалъ найти ихъ въ помощи посторонней, у Императора Нѣмецкаго, у Папы. Если бы Псковъ не устоялъ передъ Баторіемъ, и тѣмъ не отстоялъ Россіи, отечество въ сей войнѣ безславной лишилось бы многаго; но утомленный тщетною и долговременною осадою сего города, мужественно защищаемаго и собственными жителями и войсками царскими, запрудненный въ дѣлахъ своихъ и разномыслiемъ мятежнаго Сейма Польскаго, который не понималъ цѣли войны и не поддерживалъ успѣховъ своего Короля пожертвованіями и усиліями собственными, Баторій вступилъ наконецъ въ переговоры о мирѣ, (г. 1582), коего столь усильно и съ такимъ уничиженіемъ Царь домогался. Слѣдствіемъ сихъ переговоровъ было то, что Ливонія утверждена за Польшею, а Швеція получила Эстляндію, и такимъ образомъ малодушіе Іоанна, слѣдствіе его подозрительной недовѣрчивости, погубило плоды 24 лѣтнихъ его собственныхъ усилій, и Россія снова отодвинута была отъ береговъ Балтійскаго моря, — отъ Европы, и отъ образованія. Но въ

то время, какъ Іоаннъ позорилъ себя недостойнымъ уничиженіемъ передъ Королемъ Польскимъ и терялъ свои полезныя завоеванія на З., совершилось безъ его вѣдома и даже противу его воли славное, почти чудесное завоеваніе на В. Ермакъ, атаманъ шайки удальцовъ, разбойничавшихъ съ нимъ на Нижней Волгѣ, отправился съ 850 храбрыхъ сподвижниковъ изъ Строгановскихъ селеній вверхъ по Чусовой (1 Сент. 1581), перешелъ черезъ Каменный поясъ, и покорилъ Сибирь, Царство, образовавшееся также на развалинахъ Орды Батыевой. — Посланные Ермакомъ прибыли въ Москву „бить челомъ Іоанну Царствомъ Сибирскимъ," въ то время (г. 1582), когда безславнымъ миромъ уже мы отдали свои при-Балтійскія завоеванія Полякамъ и Шведамъ, и великій, неожиданный подвигъ Ермака сдѣлалъ то, что послѣдніе годы сего царствованія, бывшіе годами уничиженія, были вмѣстѣ и годами славы безсмертной; но стыдъ уничиженія принадлежитъ Іоанну, а въ пріобрѣтеніи славы онъ не участвовалъ. Такъ, Іоаннъ Грозный останется замѣчательнымъ феноменомъ Исторіи народовъ и въ добрѣ и во злѣ, и царствованіе его есть великое время въ Исторіи Россіи. Изумительна его жестокость ненасытимая, безполезная; но въ этомъ огнѣ тиранства сгорѣли

послѣдніе остатки, послѣдніе памятники бывшей раздѣльности; смяты, стоптаны были въ прахъ самыя воспоминанія какихъ бы то ни было притязаній прежнихъ Княжескихъ родовъ, которые онъ систематически губилъ и унижалъ, дабы они, по его собственному выраженію, „не государились,“ и возводилъ изъ ничтожества и возвышалъ надъ ними любимцевъ новыхъ. Такимъ образомъ, круто проведя надъ всѣмъ уровень своего деспотизма, Іоаннъ довершилъ полное и совершенное сліяніе расторженныхъ нѣкогда частей въ одно нераздѣльное Государство, и это Государство все жило и дѣйствовало одною безпредѣльною волею Царя. Играя правами, честію, жизнію своихъ подданныхъ, Іоаннъ довелъ деспотизмъ до самой его верховной, ужасающей степени, желалъ видѣть и достигъ до того, что видѣлъ вокругъ себя безмолвныхъ трепещущихъ рабовъ; но губя все и всѣхъ, самъ приготовилъ гибель своего рода и своего престола, приготовилъ и тѣ спасительныя бѣдствія, отъ которыхъ сокрушился деспотизмъ, имъ воздвигнутый; народу возвратилось его человѣческое достоинство, и кроткое Самодержавіе, свѣтлое царство умѣренности, законности и человѣколюбія началось со вступленіемъ на престолъ новой державной династіи.

(*Продолженіе впредь.*)

V.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе новѣйшихъ происшествій.

Франція.

Въ засѣданіи Палаты Депутатовъ 31-го Августа, Министръ Юстиціи въ длинной рѣчи сдѣлалъ предложеніе о разныхъ измѣненіяхъ въ Уголовномъ Уложеніи, какъ то: объ уничтоженіи ссылки, позорнаго столба, отсѣченія правой руки и клейменія; публичная выставка не будетъ уже необходимою, и надзоръ высшей Полиціи подвергнется измѣненіямъ. Поддѣлываніе монеты предлагается наказывать не смертію, а пожизненною каторжною работою.

Въ Газетѣ Stenographe сказано: „Парижскій Кабинетъ получилъ сегодня, 1-го Сентября, отъ Лондонскаго самыя положительныя увѣренія въ добромъ согласіи. Легкое облако, которое думали видѣть между обѣими націями, отъ коихъ нынѣ зависитъ судьба Европы, слѣдственно совершенно исчезло.“

Въ Газетѣ National сказано, что Адъютантъ Герцога Орлеанскаго, Генералъ Бодранъ, отправившійся на дняхъ въ Лондонъ, повезъ туда записку Короля Леопольда, въ которой онъ испрашиваетъ согласія Лондонской Конференціи на оставленіе въ Бельгіи части Французскихъ войскъ, для упроченія его власти и окончательнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ съ Голландіею. Кромѣ

того Леопольдъ жалуется на то, что его оставили и мало оказали ему помощи.

По послѣднимъ смотрамъ, сухопутная Французская Армія заключаетъ въ себѣ слѣдующее число военнослужащихъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ: тяжелая и легкая пѣхота, 221,000; тяжелая кавалерія, 16,500; легкая кавалерія, 17,500, артиллерія и фурштатъ, 19,200; инженерныхъ, саперныхъ, минерныхъ, понтонныхъ командъ, 5,900; при госпиталяхъ, 4,600; въ иностранныхъ легіонахъ, 2,200; инвалидовъ, 4,800. И того 291,950 чел. — Войска въ колоніяхъ, въ Морѣ, въ Африкѣ, могутъ составить 28,000; жандармерія, 14,200. Всего: 334,170 чел.

По Королевскому повелѣнію, 17-го Октября пр. г., выдано было Министерству 30 милліоновъ франковъ на вспоможеніе купечеству и фабрикантамъ. Изъ сей суммы получили въ ссуду 249 коммерческихъ домовъ и фабрикантовъ въ Сенскомъ Департаментѣ, 14,495,432 фр., и 196 въ другихъ Департаментахъ, 15,504,568 фр. За сіи ссуды платятъ по 4 процента, съ обязанностію внести капиталъ въ 12, 18 и 22 мѣсяца. Вообще воспользовались симъ благодѣяніемъ 430 домовъ, содержащихъ болѣе 80,000 работниковъ.

По приказанію Префекта Парижской Полиціи, при каждой части города составляется Медицинская Коммиссія. Сіи Коммиссіи должны изыскивать причины, подвергающія опасности здоровье жителей, увѣдомлять о заразительныхъ и эпидемическихъ болѣзняхъ, которыя могутъ оказаться, и принимать сообразныя съ обстоятельствами мѣры.

Въ Парижѣ составилось Общество акціонеровъ для учрежденія между главными торговыми городами Франціи линіи телеграфовъ, по коимъ бы сообщались важнѣйшія извѣстія. Въ обнародованномъ Компаніею проспектѣ сказано, что посредствомъ сихъ телеграфовъ извѣстіе будетъ доставляемо въ 9 или 12 минутъ на сто часовъ пути, и депеша отъ 12 до 15 строкъ будетъ стоить отъ 12 до 15 франковъ. Первая линія будетъ устроена между Парижемъ, Руаномъ и Гавромъ, и постройки начнутся немедленно по полученіи Королевскаго утвержденія.

Изъ Нанта пишутъ, что тамошній Судъ приговорилъ къ смертной казни трехъ шуановъ, за подъятіе оружія противъ отечества, въ шайкѣ Роберта.

Изъ Марселя пишутъ, отъ 20 Августа, что спокойствіе тамъ возстановлено, и судебная власть производитъ строгое изслѣдованіе бывшихъ безпорядковъ. Тамъ ожидаютъ двухъ батальоновъ пѣхоты и эскадрона уланъ.

По офиціяльнымъ извѣстіямъ изъ Алжира отъ 12-го Августа, въ тамошнихъ окрестностяхъ продолжало господствовать совершенное спокойствіе. Жизненные припасы въ изобиліи привозятся на Алжирскій рынокъ, куда пріѣзжаютъ много Арабовъ и Кабаиловъ. Новый Ага Арабовъ принялъ присягу въ вѣрности отъ всѣхъ окрестныхъ поколѣній, за исключеніемъ только одного, которое не трудно будетъ привести къ покорности. Въ Герба-Дженделѣ, на Хеллифѣ, день ѣзды за Медіану, влѣво отъ дороги въ Оранъ, было 11-го числа большое собраніе многихъ западныхъ поколѣній,

для совѣщанія, какимъ образомъ обращаться впредь съ Французами. Послѣдствія сего совѣщанія еще не были извѣстны; но въ Алжирѣ знали, что Марабу и Эмиръ Меліаны должны были дѣйствовать въ пользу Франціи, и имѣли основаніе думать, что тамъ приняты миролюбивыя рѣшенія. На всякій случай готовы были къ принятію сихъ поколѣній, если бы они вздумали опять начать непріязненныя дѣйствія. Жители Мустагана, одного изъ главныхъ городовъ Оранскаго Бейлыка, увѣдомили Генерала Бертезена, что назначеніе Бея изъ Мавровъ и Магометанъ вѣроятно будетъ способствовать къ возстановленію спокойствія въ сей области; въ слѣдствіе того Генералъ отправилъ туда новаго Бея Титтерійскаго, Сиди Мустафу, недавно возвратившагося изъ Медеи. Сиди Мустафа сопровождаетъ Генерала Фодоаса, который будетъ начальствовать въ Оранѣ до прибытія Генерала Бойе; сей Мавръ, изъ знатной фамиліи, совершенно преданъ Французамъ. Онъ извѣстенъ во всемъ Бейлыкѣ, и друженъ со многими сильными шайками, хорошо говоритъ по-Шаліянски, и будетъ очень полезенъ Генералу Фодоасу тѣмъ, что поможетъ ему немедленно сблизиться съ знатнѣйшими жителями.

Англія.

31 Августа былъ Тайный Совѣтъ, въ которомъ Король уничтожилъ прежнюю большую печать, и ввелъ въ употребленіе новую, на одной сторонѣ коей изображенъ Король, сидящій на тронѣ, поддерживаемомъ Нептуномъ и Британіею, и окруженномъ олицетворенными Благочестіемъ, Правосудіемъ, Миромъ и Благосостояніемъ; на дру-

гой сторонѣ изображенъ Король на лошади. Печать серебряная, и съ большимъ вкусомъ отдѣлана Г. Віономъ.

Въ засѣданіи Нижней Палаты Парламента 30 числа, Г. Куртней просилъ Министровъ о сообщеніи Парламенту свѣдѣній касательно оскорбленій, коимъ недавно Англійскіе подданные подверглись въ Португаліи, и о представленіи переписки съ Французскимъ Правительствомъ по случаю сдѣланной имъ экспедиціи для удовлетворенія за понесенныя его подданными обиды. Лордъ Пальмерстонъ объявилъ, что охотно сообщитъ сіи и еще другіе документы, не менѣе важные, о коихъ не упоминалъ почтенный сочленъ его, и которые совершенно объясняютъ сіе дѣло. Потомъ, въ отвѣтъ на запросы Г. Робинсона, Министръ сказалъ, что Франція, при переговорахъ съ Португаліею, не требовала у ней ни какихъ уступокъ, вредныхъ для коммерціи Англійской; флотъ же Португальскій, захваченный Французами, есть законная военная добыча, и Англія не въ правѣ препятствовать Французамъ въ присвоеніи себѣ сихъ кораблей. Къ сему присовокупилъ онъ, что по извѣстіямъ, полученнымъ въ то самое утро отъ Англійскаго Посла въ Парижѣ, послано повелѣніе Французской эскадрѣ, находящейся въ Тагѣ, возвратиться во Францію, оставивъ тамъ только одинъ корабль для защиты Французскихъ подданныхъ.

Въ Придворномъ Журналѣ напечатано: „Англійскій Генеральный Консулъ въ Лиссабонѣ, Г. Гоппнеръ, довелъ до свѣдѣнія нашего Правительства о гнусномъ обращеніи Мигуэлистовъ съ дву-

мя Англійскими подданными. Въ слѣдствіе сего Лордъ Пальмерстонъ предписалъ Г. Гоппнеру требовать у Португальскаго Правительства всѣхъ слѣдующихъ въ такомъ случаѣ объясненій и извиненій. Теперь, какъ пишутъ изъ Лиссабона, на жалобу нашего Генеральнаго Консула, Португальскій Министръ Иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ, что народъ почелъ Англійскихъ офицеровъ за Французовъ, и что сіе объясненіе должно быть достаточно.“

Греція.

Неудовольствіе противъ Правительства, и особенно противъ Графа Каподистрія, господствовавшее на Греческихъ островахъ, и особенно на островѣ Идрѣ, обнаружилось явнымъ возстаніемъ. Идріоты (по частнымъ письмамъ, подъ начальствомъ знаменитаго Міаули) овладѣли въ Поросѣ фрегатомъ Элладою и другими Греческими военными судами. По частнымъ извѣстіямъ, мятежники отразили войска, посланныя Президентомъ въ Поросъ. Графъ Каподистріи, циркуляромъ отъ $\frac{30}{18}$ Іюля, увѣдомилъ о происшедшемъ въ Поросѣ Губернаторовъ провинцій, и о томъ, что Правительство просило содѣйствія начальниковъ эскадръ соединенныхъ Державъ для потушенія мятежа въ самомъ началѣ. Россійскій и Англійскій Резиденты отвѣчали, что Правительства ихъ желаютъ сохраненія въ Греціи спокойствія и настоящаго порядка вещей, и надѣются, что до возвращенія Французскаго Резидента и Начальниковъ Французской и Англійской эскадръ, сего объявленія ихъ достаточно будетъ для обращенія мятежниковъ къ долгу.

Турція.

Пожаръ, какого не запомнятъ, уничтожилъ 2-го Августа н. ст., въ 18 часовъ, предмѣстіе Перу, обитаемое Франками, такъ, что осталось только малое число домовъ. При сильномъ сѣверовосточномъ вѣтрѣ, пламя распространялось съ невѣроятною быстротою; сгорѣли домы Посольствъ Англійскаго, Россійскаго, Прусскаго, Сардинскаго, Голландскаго, Французскаго, церкви Троицы и Св. Антонія. Домъ Австрійскаго Интернунція спасенъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ монастырь Терра-Санта, Россійская Канцелярія и остальные домы Перы. Изъ четырехъ Католическихъ церквей съ великимъ трудомъ спасена только одна. Кромѣ того сдѣлались добычею пламени всѣ домы Грековъ и Армянъ по обѣимъ сторонамъ длинной дороги изъ Перы въ Галату-Сарай, до госпиталей на кладбищѣ. Число сгорѣвшихъ домовъ, лавокъ и жилищъ бѣдныхъ обывателей простирается выше четырехъ тысячъ; потеря неисчислима, ибо въ пожарѣ погибло множество драгоцѣнныхъ вещей, которыя сносили въ каменныя зданія, также сгорѣвшія. На поляхъ около Перы толпились тысячи народа, безъ крова, безъ одежды, и безъ средствъ продлить жизнь свою. Со стороны Турецкаго Правительства оказана весьма слабая помощь для потушенія пожара; да она была бы и безполезна, ибо пожарные инструменты въ дурномъ состояніи, и при недостаткѣ воды мало бы оказали пособія противъ огня. Пера уже не существуетъ, и жители ея разсѣялись въ Галатѣ, Буюкдере, Тарапіи, по каналу, и съ дозволенія Правительства, въ ближайшихъ Турецкихъ частяхъ

города. Говорятъ, что Султанъ весьма гнѣвался за малое содѣйствіе пожарныхъ командъ. Чтобы изъявить свое соболѣзнованіе Посланникамъ, по обычаю той страны, приказалъ онъ разослать имъ въ подарокъ плодовъ, цвѣтовъ и конфектовъ, съ письмами отъ Рейсъ-Эффендія. — Изъ Албаніи и Босніи давно уже ничего не слышно о дѣйствіяхъ Верховнаго Визиря противъ Мустафы Паши Скодринскаго, что подаетъ поводъ къ разнымъ толкамъ. Сія неизвѣстность и отягощительные налоги, требуемые казною на нужнѣйшіе расходы для войны противъ мятежниковъ, заставляютъ всѣхъ желать скорѣйшаго возстановленія спокойствія. Хотя Султанъ оказывается весьма человѣколюбивымъ въ отношеніи къ низшимъ классамъ народа, и расточаетъ денежныя вспомоществованія, но это не помогаетъ. Съ иностранными Державами Порта, по видимому, въ согласіи, и потому-то она не покидаетъ еще надежды опять завоевать Грецію, но отлагаетъ сіе предпріятіе до благопріятнѣйшаго времени. Вѣроятно для сей цѣли обращается большое вниманіе и употребляются значительныя издержки на морскую силу. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Смирны, Капитана-Пашу видѣли предъ Митиленою и Хіосомъ, и у входа въ Смирнскій заливъ, куда онъ однако же не заходилъ; полагали, что онъ поплылъ къ Родосу.

Португалія.

Французская эскадра отошла отсюда 13 и 14-го Августа; остались только три корабля. Но радость Мигуэлистовъ о семъ извѣстіи, которое за нѣсколько дней было объявлено на бир-

же, превратилась въ ярость, когда они увидѣли, что небольшая Португальская эскадра въ одно время съ Французскою снялась съ якоря, и удалилась отъ берега. Множество народу толпилось на берегу, и провожало глазами эскадру. 15-го числа прибыла Португальская корвета, Донна Изабелла, съ Азорскихъ острововъ, съ извѣстіемъ о взятіи острова Санъ-Мигуэля войсками Терсерскаго Регентства: Донъ Мигуэль и Министры его были поражены симъ извѣстіемъ, какъ громовымъ ударомъ. Морскаго Министра Графа Басто обвиняютъ въ потерѣ острова и эскадры. — Считаютъ, что число ввереннныхъ въ темницы по 31 Іюля простиралось до 26,270 человѣкъ; число сосланныхъ въ Африку до 1600; число выѣхавшихъ до 13,700, казненныхъ 37, и скрывающихся въ самой Португаліи до 5000.

Нидерланды.

Король пожаловалъ Принца Оранскаго въ Генералъ-Фельдмаршалы и подарилъ ему двѣ пушки изъ взятыхъ у Бельгійцевъ при Гассельтѣ. Онѣ поставлены будутъ предъ дворцемъ въ Суссдейкѣ, въ память сего сраженія.

Въ здѣшнихъ газетахъ пишутъ: „Въ Россіи существуетъ человѣколюбивый обычай, что Члены Императорской Фамиліи и знатныя дамы, послѣ даннаго арміею сраженія, принимаютъ подъ особенное свое покровительство нѣсколько раненыхъ воиновъ. Ея Высочество Принцесса Оранская, желая ввесть сей обычай въ Нидерландахъ, учредила близъ Гаги небольшой госпиталь, въ которомъ приготовлена одна комната для Ея Высочества; она будетъ пріѣзжать туда для рас-

поряженій. Въ Гагѣ ожидаютъ на дняхъ раненыхъ, которымъ предоставлено счастіе воспользоваться симъ благодѣтельнымъ заведеніемъ."

Разныя извѣстія.

По извѣстіямъ изъ Тангера отъ 5-го Августа, безпокойства, уже нѣсколько мѣсяцевъ продолжающіяся въ Мароккскомъ Государствѣ, ежедневно усиливаются. На югѣ образуются шайки, которыя нарушаютъ безопасность дорогъ и грабятъ караваны. Къ празднеству рожденія Магомета, 19, 20 и 21-го Августа, ожидали переворота. Говорили объ избраніи Султана, и называли одного изъ 54-хъ сыновей послѣдняго Императора, Мулея Солимана.

Папа учредилъ новый орденъ Св. Григорія; хотя булла объ учрежденіи еще не обнародована, но Полковникъ Замбони уже отправленъ въ Миланъ, чтобы отвезти командорственный крестъ новаго ордена Генералу Барону Фримону (возведенному Австрійскимъ Императоромъ, со всѣмъ потомствомъ, въ Графское достоинство Имперіи).

По новому учрежденію, въ партеръ Лондонской Оперы не будутъ впускаемы дамы въ большихъ чепцахъ, и вообще съ огромною головною уборкою, которая бы могла мѣшать сидящимъ позади.

Греческое Правительство поднесло командовавшему въ Морећ Французскому Генералу Шнейдеру почетную шпагу.

Въ Лондонѣ умеръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, богачъ, по имени Теллюссонъ, странное завѣщаніе коего подало поводъ къ важнымъ спорамъ между его душеприкащиками и наслѣдниками,

изъ коихъ многіе умерли, не дождавшись окончанія сихъ споровъ. Настоящій наслѣдникъ всего имущества есть внукъ завѣщателя, Карлъ Теллюссонъ; но онъ не пользуется онымъ, ибо дѣдъ его завѣщалъ, чтобы всѣ доходы, недоимки и проценты съ огромныхъ его помѣстій и капиталовъ были собираемы для составленія несмѣтнаго капитала. Между тѣмъ Г-ну К. Теллюссону весьма не нравилось почти умирать съ голоду, имѣя въ виду милліоны. Онъ воспользовался нѣсколько темною статьею завѣщанія, чтобы истребовать у повѣренныхъ отчета въ остаткѣ доходовъ съ имѣнія Бросвортъ, по уплатѣ издержекъ на управленіе и сдѣланныхъ завѣщателемъ отказовъ. При разсмотрѣніи отчетовъ сихъ оказалось, что повѣренные, пріѣзжая въ Бросвортъ, подъ предлогомъ сдѣлокъ съ арендаторами, живутъ тамъ по двѣ недѣли, и дѣлаютъ большіе расходы, ежедневно пируютъ съ сосѣдами, коихъ приглашаютъ, за исключеніемъ бѣднаго наслѣдника, которому не позволяютъ ступить ногою въ свое имущество. Можно сказать, что для Г-на Теллюссона осуществилась басня о Танталѣ. Къ сему еще должно прибавить, что къ назначенному въ завѣщаніи сроку, онъ долженъ бы получить 70 милліоновъ Ф. ст.; но повѣренные такъ управляютъ, что онъ едва получитъ 300,000 Ф. ст. Королевскій Судъ потребовалъ отъ нихъ строгаго отчета.

12-го *Сентября.*